

ЛАТИФ
МАХМУДОВ

ЧИНАРА

РАССКАЗЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1963

Уз2

Рассказы Латифа Махмудова привлекают внимание не столько экзотичностью жизненного материала, сколько остротой нравственных проблем, над решением которых сосредоточено внимание автора.

Нравственное бытие современного человека, психологические и моральные мотивы его поступков, обязательства перед собой, жизнью и людьми,— ради этого написаны рассказы.

М 36 Махмудов Л.
Чиннара. Новые рассказы. Перевод К. Хакимова,
56 стр. Тираж 30 000.

Уз2

Ч И Н А Р А

Автобус остановился в степи. Выйдя из него, я растерянно огляделся, не зная, куда идти. Вокруг ни одного деревца, ни одного домика — голая степь. Только не-вдалеке от большака на проселочной дороге виднелась небольшая чайхана, покрытая камышовой циновкой; рядом с ней огромная чинара. Красноватые отблески заходящего солнца играли на ее раскидистых ветвях. Она была величественна, как памятник, и слегка шумела листвой, будто недовольная горячим степным ветром.

Присмотревшись, у самого основания чинары я заметил могилу. Извилистые крепкие корни дерева, пробившиеся на

поверхность, хитроватыми сплетениями обхватили надгробный камень, словно оберегая его от чего-то.

Я подошел к могиле и попытался прочитать надпись на камне. Но время стерло буквы так, что разобрать их было невозможно.

В ожидании попутной машины я сел на обочине пыльной проселочной дороги.

Наступали сумерки. Ветер утих. Вокруг ни единого звука. Казалось, степь, разомлевшая от дневной жары, отходит ко сну.

— Кха, кха!— раздался кашель. Я повернулся и увидел старика. Он был невысок ростом, сухощав.

— И долго ты тут собираешься сидеть?— спросил он не без иронии.

— Салам, отец,— буркнул я в ответ на неожиданный вопрос и встал.

— Салам, салам... Небось проголодался?! Идем, ни одна «попутка» не минует моей чайханы, остановится.

Я подхватил чемодан и побрел за стариком.

Остановившись у входа, старик достал из-за поясного платка спички, зажег фонарь и повесил над дверью.

— Добро пожаловать! Всегда рад гостям,— сказал он, пропуская меня вперед.

Пока я устраивался на сури¹, старик принес на подносе сладости, чайник с пиналой и поставил их передо мной. Затем из-под одеял, что были сложены в широкой нише, достал мягкую лепешку и разломил ее. Заметив мое удивление, улыбаясь, проговорил:

— От ветра берегу, чтоб не засохли... Ты угощайся, сынок, не стесняйся, а я скоро вернусь.

Старик взял ведро и вышел. В приоткрытую дверь загудел снова разгулявшийся ветер. Спустя мгновение он рванул ее с такой силой, что казалось, дверь

¹ Сури — широкая деревянная кровать.

разлетится в щепы. Керосиновая лампа мигнула несколько раз и погасла.

Я встал и, плотно прикрыв дверь, зажег лампу. В чайхане стало снова светло и уютно. Вдруг прямо над моей головой что-то зашуршало. Взглянув на потолок, я увидел висящую клетку с перепелкой. Она металась в клетке, то и дело ударяясь о тонкую сетку.

Вернулся старик.

— Ну и ветер, того и гляди унесет. Всегда так вот начинается на ночь глядя баловаться...— Защелкнув дверь на задвижку, он сел напротив меня.— Посадила я две яблоньки возле дороги, так вот бегаю каждый вечер поливать... Ты что же это, сынок, не ешь, не пьешь? Кто знает, сколько еще придется ждать машину.

Старик, несмотря на мои отговоры, положил мне в пилату большой кусок сахара и разломил еще одну лепешку.

Мы сидели молча, сосредоточенно пи-

ли душистый зеленый чай и изучающе поглядывали друг на друга.

Первым заговорил старик.

— Ты извини меня за любопытство... ведь в этом, по-моему, ничего плохого нет... Что ты городской — это сразу видно. А вот куда ты путь держишь? Каким ветром тебя в наши края занесло? Вот вопрос.

— В городе тесновато стало, — сказал я шутливым тоном, — взял да и приехал на степной простор подышать чистым воздухом.

Старик недоуменно посмотрел на меня.

— А вообще-то, отец, еду я в совхоз. Вышел из автобуса и думаю, куда мне идти?..

Старик оживился.

— Молодец твой отец! — хлопнул он ладонью по колену. — Скоро совхозная машина будет. Я сам тебя отправлю. Ну-ка, дай мне ппалу. Ты не стесняйся старика... Если разобраться, то я тоже городской. Да. из махалли Караташ,

слыхал небось? Ну вот. А теперь в год один раз езжу в город проведать дочь, внучат повидать, с друзьями встретиться. Что ни говори, привык я к степи. Кто хоть раз подышал степным воздухом, тот никогда отсюда не уедет. Честное слово! Собираюсь у дочки погостить месяц, не получается, через три-четыре дня обратно тянет в степь, возвращаюсь. Что поделаешь, уж такова природа человека — тянет его туда, где прожил большую часть своей жизни.

Старик протянул мне пиалу чая и задумался. На его лбу легли морщинистые складки, словно он вспомнил что-то далекое, незабываемое.

— Всю жизнь воевал со степью и вот, наконец, сдал. Силенок маловато. Молодость моя пролетела как степной ветер, но я совсем не жалею. Совсем. Молодость все равно, что река — бушует, пенится; главное — надо взять поводья в руки: правильно будешь править ею — она пустыню в цветущий сад превратит.

я

А не возьмешь поводыев — растечется сотнями мелких ручейков, силу свою растеряет, без пользы пропадет. Надо дорожить молодостью, сынок. Ведь цены ей нет. Видел бы ты эти степи раньше!

— В детстве как-то приходилось с отцом приезжать. Если не ошибаюсь, как раз намечали совхоз здесь. Чайханы этой совсем не было. А вот чинары что-то не припомню.

— Все изменилось. Ты сейчас, сынок, ничего не узнаешь. Кругом теперь сады заложены. Вот в этом году хлебопекарню выстроили и новый кинотеатр. Чайхану тоже недавно построили. Вчера директор совхоза приезжал насчет полевого стана посоветоваться. Скажу тебе по секрету, чайхану и не думали строить, а люди теперь наезжают, сам видишь. Но райцентр далеко. Куда приезжий пойдет? Кого спросит? Кругом целина. Только в этом году начали ее поднимать. Вот я и посоветовал там, в совхозе, начальникам. Говорю им — так-то и так-то, не-

плохо было бы здесь чайхану построить. Им предложение мое понравилось, и как видишь... чинара к себе всех тянет! В жизни, сынок, оказывается, так бывает — все, что напоминает тебе твою молодость, в старости становится родным и близким, словно ты прошел с ним сквозь огонь и воду.

Старик замолчал. Он сидел, задумчиво рассматривая цветастые узоры пиалы. Я тоже молчал, не хотелось нарушать эту торжественную тишину.

Мне показалось, что старика угнетают какие-то тяжелые воспоминания прошлого, нахлынувшие внезапно в разговоре со мной — лицо его побледнело, осунулось. Хотелось расспросить старика про могилу под чинарой, но сразу не решился. Спустя некоторое время я все же осторожно задал свой вопрос. Старик तो ли не расслышал моих слов, то ли не хотел говорить — ничего не ответил.

Издали слышался гул. Я так и не мог разобрать — ветер это или прибли-

жающаяся машина. Старик медленно поднялся и вышел. Вскоре он вернулся, кряхтя, устроился на прежнем месте, напротив меня, со словами:

— Я же говорил, машина будет... Да ты не вставай. Машина только через минут двадцать-тридцать прибудет. Мимо не проедет. В степи звук всегда обманывает. Машина еще далеко, а гул мотора ветер уже донес сюда... Ну что, выпьем еще чайку-то? Не отказывайся, я сейчас быстренько заварю. Посидим поболтаем, пока машина придет.

Я сел на место.

Самовар давно потух. Старик бросил две-три щепки и разжег огонь. Скрипнув, приоткрылась дверь, подул ветер. Возшла луна и осветила маленький пятачок земли перед дверью, словно вымазав ее мелом.

Теперь я отчетливо слышал шум мотора. Старик заварил чай.

— Не надо бы, отец, беспокоиться,— сказал я.

— Какое там беспокойство, может, и шофер захочет чайку.

Только успели выпить по пиале, как подошла машина. Мы вышли на дорогу. Большой диск луны словно повис над чинарой, отбрасывавшей длинную темную тень. Шофер поздоровался со стариком, кивнул и мне головой, но из машины, видно, вылезать не собирался.

— Как съездил, сынок?— спросил старик.

— Хорошо, Мирхайдар-ата... Ну, поедем в поселок?

— Нет, сынок, я жду: тут еще трое должны с поля подойти.

— Да...— парень закурил папиросу. Помолчал и виновато проговорил:— Вы уж извините, отец, просьбу вашу... не смог выполнить.

— Ничего, сынок, в следующий раз привезешь. Ну что ты сидишь, вылезай, чайку попьем.

— Лучше, когда приеду за вами, тут у меня спешное дело.

— Ну, в таком случае поезжай. Ты только попутчика прихвати.

Парень, повернувшись ко мне, не очень любезно предложил:

— Садитесь скорее.

Пожимая мне руку, Мирхайдар-ата просил меня не забывать его и заглядывать, как только подвернется случай. Я поблагодарил старика за гостеприимство и сел рядом с шофером.

Машина, проехав немного, повернула на одну из степных дорог, ведущих к райцентру.

Я высунулся из кабины — фонарь, что горел над входом в чайхану, виднелся еле заметной красной точкой, а затем и вовсе исчез с глаз. Чинара, посеребренная луной, издали казалась еще более величественной и таинственной.

Мысли о старике не покидали меня. Я чувствовал себя неловко за то, что так холодно попрощался с ним. Во всем я винил шофера, который не мог подождать хоть немного. Я пристально по-

смотрел на него. Видно, и он чувствовал себя не совсем хорошо. Молча закуривая папиросу, парень каждый раз так сильно затягивался, что красный огонек ярко освещал его лицо.

Вдруг шофер неожиданно выругался и виновато взглянул на меня.

— Извините. Никогда не ругался. Это так, случайно вырвалось. А вы, наверное, обиделись на меня за то, что я поторопил вас?— спросил он.

Заметив, что я хочу возразить, добавил:

— Ну я же вижу. Я же всю дорогу слежу за вами... Вы уж извините.

И он рассказал мне, как Мирхайдарата просил заехать его к цветоводу за саженцами роз, но мотор автомашины что-то в пути «закапризничал» и ему пришлось до вечера провозиться с ним. Заехать к цветоводу он так и не смог. И вот это не давало ему покоя.

Я решил поднять его настроение.

— Ведь вы же еще поедете в город?

— Ну, поеду...

— Вот и привезете.

— Да дело не в этом. Привезти-то привезу... да на душе скверно. Мирхайдар-ата самый первый обосновался здесь. Видите деревья по обеим сторонам дороги? Так вот, их взрастил Мирхайдар-ата. Знаете, он как святой для нас. Я даже не знаю... И мне очень обидно, что я не смог исполнить его просьбу.

Шофер откинулся на спинку сиденья и сдвинул кепку на затылок. Вздыхнул и снова закурил.

— Но сейчас-то не время сажать цветы,— я попробовал успокоить его.

Шофер удивленно посмотрел на меня.

— Я же говорил — он все может!.. Чинару на обочине дороги посадил летом, в самую жару. А что цветы — цветы пустышки для него!

Я вспомнил про могилу под чинарой и решил обо всем расспросить:

— Значит, чинару посадил Мирхайдар-ата? Видно, очень давно это было?

Шофер молчал, словно раздумывая над

тем, можно ли рассказать все, что знает, случайному спутнику. Наконец решился:

— Да, чинару посадил Мирхайдар-ата. Но если вы спросите его самого, он ничего не расскажет. Старику тяжело ворошить прожитое. Как рассказывают, в молодости он приезжал из города батрачить в эти края. Присматривал за байскими стадами. Вот поэтому и знает степь, как свои пять пальцев.

Женился он на простой девушке, дочери одного бедного пастуха. Родились у него двое детей — дочь сейчас врачом работает в городе, а сын — главный механик в совхозе... Так, значит, о чем я хотел рассказать?.. Да, о чинаре... Однажды в степь приехал байский сын со своим другом поохотиться, кумысу попить, и приглянулась ему чабанова жена. Остались они ночевать у него. Ночью, когда чабан ушел проведать отару, байский сынок с дружкой вошел в его юрту и стал приставать к жене. На крик о помощи прибежал Мирхайдар-ата. Один из

них вытащил нож из-за пояса и бросился на пастуха, жена заслонила его собой. Нож ей в сердце вонзился...

Бархатное черное небо усыпали бесчисленные звезды. Одна из звезд упала, за ней протянулся серебристо-голубой хвост, который так напоминал собой кривой острый нож, что по телу даже мурашки забегали.

— А убийцы? Неужели они смогли бежать?— спросил я шофера.

— Куда там! Разгневанные чабаны растерзали их. На следующий день Мирхайдар-ата похоронил жену. Наступили жаркие дни, и стада пришлось угнать в Джизак. Чабан, чтобы не забыть, где находится могила, посадил чинару и в течение трех лет издалека возил воду в бурдюке, поливал ее. Сами видели, какой выросла...

Мы ехали молча, монотонно гудел мотор. Я думал о самоотверженной женщине, о чинаре, которая стояла памятником преданной любви.

О Т Е Ц

Только Султанов вернулся с объекта, как дверь со скрипом открылась и в кабинет заглянул старик.

— Можно к тебе?

— Пожалуйста, Самсок-ата, заходите. Сколько лет, сколько зим?

Султанов искренне был рад гостю. Так и не закурив папиросу, которую держал в руке, он подошел к старику, поздоровался с ним, подвел к дивану.

— Присаживайтесь, Самсок-ата.

Потом Султанов прошел на свое место и вопросительно посмотрел на старика.

— Еще не успел поседеть, а уж к столу прилип... Так вот я и зашел тебя проведать.

Самсок-ата погладил бороду и покосился на Султанова, — не задело ли.

Султанов, красный от смущения, сидел, потирая рукой переносицу.

— Ну ничего, не обижайся на старика. Я ведь знаю, работы у тебя так много, что для обид и места не останется в сердце.

Немного помолчав, гость добавил:

— Ты знаешь, сынок, пришел я к тебе с жалобой.

— Слушаю вас, Самсок-ата...

— Ты знаешь, нельзя ли мне пенсию назад вам сдать?

— Что?!

— Ну сдать ее назад, пенсию... Работать я хочу...

Да, видно, очень трудно старику. Ну, конечно, теперь он один, а одному и со скуки помереть можно...

Лицо Султанова стало серьезным. Очень жаль старика. Хотелось сказать что-нибудь приятное, но, не найдя нужных слов, Султанов растерянно постучал

пальцем по столу. Самсок-ата понял мысли начальника. Он даже подумал, стоит ли дальше говорить, но все же продолжил:

— Сам знаешь, рыба без воды, а человек без труда жить не могут. Скажу я тебе, от безделья совсем заболел. Столько еще силы во мне, а я лежи-полеживай. Даже совесть не позволяет. Ты бы мне какую-нибудь работу подыскал. Об этом я тебя и хотел попросить.

— Мы это сразу уладим, Самсок-ата. Найдем, конечно, найдем подходящую работу. Даже сегодня можете приступить. Как, например, вам понравится работа общественного контролера? Каждое новое здание будет проходить через ваши руки.

Заметив, что Самсок-ата задумался, Султанов поспешно спросил:

— Что, не нравится?

— Так неожиданно ты мне предложил эту работу... не справлюсь, ведь краснеть-то придется тебе. Тут надо человека

более или менее образованного, а меня ты лучше бы послал в бригаду Абдуманнапа. Все-таки штукатурщик — моя старая профессия.

— Ну что ж, согласен, коли таково ваше желание...— Султанов нажал кнопку.

Дверь тихонько открылась, и вошла молоденькая женщина.

— Нодирахон, приготовьте, пожалуйста, приказ о зачислении на работу Самсока-ата.

Она кивнула головой Султанову и, взглянув на Самсока-ата, почему-то покраснела. Затем, повернувшись, вышла из кабинета.

Султанов посмотрел на старика.

— Невестка моя...— вздохнул Самсока-ата.

— Ах, вот что...

— Жена моего сына, который утонул. Сейчас она у брата живет. Когда я пришел, тебя не было. Так мы посидели, поболтали. Она, видимо, поняла, зачем я

пришел, и сразу в слезы ударилась. «Ну зачем вам работать, отец»,— говорит. Я ей объясняю, что не по нужде пришел, а по работе соскучился... Не хочет этого понять... А здесь Нодира, кажется, временно?

— Секретарь заболела, она ее заменяет. Завтра уже за свою работу примется.

— Да, трудно бедняжке приходится...— снова вздохнул Самсок-ата.

Султанов хотел что-то сказать, но задумался. «Знает об этом Самсок-ата или не знает, как бы не обидеть старика. Хотя и не удобно, лучше сейчас скажу».

— Я слышал, что Нодирахон обручена...

— Да,—кивнул головой Самсок-ата.— Ведь она мне как дочь. Приходила за советом. Да и парень хороший, друг моего сына. Абдуманнап. Лишь бы счастливы были.

Самсок-ата встал.

— Я пойду, а то я тебя от работы отрываю.

Султанов проводил его до двери.

Когда Самсок-ата вышел из кабинета, Нодира сидела в приемной. Старик не решился взглянуть на нее, лишь тихонько сказал: «До свиданья, доченька». И направился к выходу. Нодира догнала его и протянула сверток.

— Хотела вечером к вам заглянуть... Возьмите, пожалуйста, это... А вечером я обязательно зайду.

Выйдя на улицу, старик пошел медленно, словно прогуливаясь, в сторону Анхора. Чем ближе он подходил к реке, тем тяжелее становились его шаги. Что-то давило на сердце, сжимало его до боли.

— Сынок,— невольно выдавил он дрожащим от боли голосом.— Сынок мой...

Не доходя моста, Самсок-ата остановился и сел под карагачем. Ох, как шумит река. Ох, как шумит. Вот уже пять лет прошло, как в этой самой реке утонул его сын, спасая маленькую девочку. Тогда она тоже шумела, река была пол-

новодной, бурной. Вот и сейчас не утихает и не убывает, как отцовское горе.

В тот страшный день Самсок-ата был на стройке, на окраине города. Утром только начали штукатурить верхний этаж здания, как раздался крик Нодирры. И больше Самсок-ата ничего не помнит. Он потерял сознание. Работавший недалеко от него Абдуманнап кинулся к нему. Самсок-ата, припертый к стене, остался на лесах, а юноша сорвался вниз.

Около семи месяцев пролежал Абдуманнап в больнице. Старик с Нодиррой часто навещали его. Нодира теперь тоже работала на стройке. Все свободное время она отдавала дому, присматривая за стариком. Да и Самсок-ата, видно, привык к ней — как только вечерело, он уже сидел и глаз с дверей не спускал, ожидая ее. Однажды, проходя мимо стройки, он заметил Нодиру и Абдуманнапа. Молодые люди весело, оживленно беседовали. Радость и в то же время ка-

кая-то боль запали в душу. Самсок-ата долго думал, потом сказал обо всем Абдуманнапу:

— Вижу, что подружились. Вижу, что любишь ее... Так ли?

— Так, отец...

— В чем же дело? Нужно жениться...

— Воля ваша, отец...— ответил покрасневший Абдуманнап.

Желание поженить близких ему людей стало для старика каким-то добрым, хорошим делом. Да и отцовское горе так легче забывалось.

Самсок-ата в душе оправдывал Нодиру.

— Ты молода еще, зачем тебе жить одной, да и детишек надо занять,— посоветовал он.

А недавно Нодира сказала ему:

— Мы же вас отцом своим считаем, живите с нами, мы будем только рады.

Самсок-ата был растроган ее словами. Обняв Нодиру, не стесняясь слез, градом катившихся из глаз, сказал ей:

— Ты мне вместо дочки, и Абдуманнап мне как сын.

Когда Самсок-ата говорил все это, он не думал, что так ему будет тяжело. Вот и сейчас он представил их вдвоем, и будто его в самое сердце кто-то иголкой кольнул.

— А ведь это нечестно — оплакивать чужое счастье, — говорил сам себе старик.

Горе похоже на дикую, быструю реку. Если не обуздаешь ее, так и будет шуметь, сметать все с пути, а если возьмешь в руки, потечет спокойно, как маленький ручеек. «Вот и надо взять себя в руки...» — подумал старик. Он вспомнил, что Нодира обещала зайти к нему. Самсок-ата встал и поспешил домой. Даже легче стало шагать. И прежнее его волнение ему самому показалось странным. Переходя улицу, он невольно сунул руку в карман. Там лежал маленький сверток, который дала ему Нодира. Старик развернул его и увидел тибетейку.

«Кажется, вчера я точно такую видел на Абдуманнапе», — вспомнил Самсока-ата. Почему-то он сейчас подумал о сыне. Нет, никогда он его не забудет, и Нодира и Абдуманнап не забудут. Долго будет память о его сыне жить в их сердцах. Разве вот эти журчащие ручейки не напоминают его голос? Да ведь сама жизнь напоминает им о нем.

— Отец!

Самсока-ата остановился. Очень сильно забилось сердце. Закружилась голова. Точно так он почувствовал себя, услышав голос сына, когда тот вернулся из армии. Успокоившись, Самсока-ата оглянулся назад. К нему приближались Нодира и Абдуманнап. Мимо него проехал Султанов. Увидев Самсока-ата, он немного сбавил ход, хотел, видно, остановить машину, но раздумал. Машина рванулась вперед, подняв тучу пыли. Но пыль, покружившись вокруг Самсока-ата, быстро рассеялась.

В Д О Р О Г Е

Она стояла на обочине дороги, подняв руку. Он не мог не заметить ее. Поневоле пришлось остановить машину.

— В Кошбулак едете? Подвезите, пожалуйста!

Парень, не произнеся ни слова, равнодушно указал на место в кабине рядом с собой. Халима закинула чемодан в кузов и, веселая, полезла в кабину.

Ехали молча. Парень, видимо, боялся заговорить первым. Молчание становилось все более тягостным. Наконец он спросил:

— Из города?

— Да. В Кошбулак еду. На практику.

В институте сказали, что машина будет завтра, так я не стала дожидаться.

Шофер одобрительно улыбнулся — «ну и хорошо сделали» — и стал тихонько напевать себе под нос какую-то мелодию. Халима была рада, что так скоро избавилась от излишних любопытных вопросов. Она сидела молча и задумчиво глядела в окно. Но вот ей стало скучно смотреть на холмы, так похожие на горбы верблюда, на степь, чернеющую на горизонте. Очень хотелось спать. Девушка закуталась в телогрейку и, прислонившись к спинке сидения, закрыла глаза.

Не прошло и четверти часа, как машина, свернув влево, внезапно стала. От резкого торможения Халима ударилась лбом о стекло.

— Очень больно? — спросил шофер, прикасаясь к ее лбу. Халима отстранила руку.

— Уберите, вам-то что? Лучше бы на дорогу глядели!

Шофер, с силой распахнув дверь, спрыгнул на землю. Только теперь поняла Халима причину внезапной остановки: впереди — метрах в трех-четырех — стояла машина, груженная хлопком. В кабине никого не было. Халима, приподнявшись на сидении, увидела девушку, которая, выбравшись из-под машины, отряхивалась от пыли. Затем, сердито взглянув на Халиму, незнакомка подошла к парню.

— Чертова рессора сломалась!

— Рессора, значит?!

Парень обошел машину кругом и снова приблизился к девушке.

— Ты в своем уме, Нодира! И надо же тебе этой дорогой ехать?!

— Я думала, так ближе... Выполнить план ведь надо скорее. А этой машины с хлопком было бы достаточно...

Уткур хотел было что-то сказать, но при чужом человеке, видно, не осмелился. Махнув рукой, он направился к своей машине.

— Передай им, чтоб поскорее машину прислали,— крикнула ему вслед девушка.

— Бедняжка.— Халиме стало жаль ее. Высунувшись из машины, она оглянулась назад.— Далеко до колхоза?

— Да, порядочно.

— Она в степи так всю ночь и простоит?

Уткур не ответил.

Немного помолчав, девушка продолжала:

— Вообще мне надо было с ней остаться.

Халима больше не могла переносить его спокойствия. Она не выдержала:

— Слушайте. Ну что с вами?

— А что?

— Да я про машину.

— А что с ней?

— Ну что она так ползет! Езжайте быстрее!

— Если вы думаете, что дойдете быстрее машины, то можете идти пешком.

— Простите, вы со всеми так грубо разговариваете?

— Нет. Только с теми, кому не нравится моя машина.

Халима отвернулась к окну. Ей не хотелось больше разговаривать с этим грубияном.

Отпустив руль, шофер достал из кармана папиросу и закурил. Затем, высунув голову из кабины, с беспокойством посмотрел на тучу, медленно выползающую из-за холма, постепенно заслоняющую собой весь горизонт.

— Сейчас польет,— проворчал Уткур.

— Вам-то что? Вот ей, бедняжке, будет трудно.

— Пусть на себя пеняет! Прямая дорога в стороне осталась, а она...

— Так она же не нарочно! Что вы к ней пристали с дорогой?! Дорога... дорога... Словно у вас камень, а не сердце!

Уткур слушал ее молча. Взглянув на мерцающие впереди огоньки, он глубоко вздохнул.

Откуда ей знать, что у него в груди. «Словно у вас камень, а не сердце». Нет... не камень. Только...

Уткур припомнил, как этим утром на хирман прискакал на коне председатель.

— С хлоппункта еду,— сказал он.— «Авангарду» до выполнения плана осталось сдать три тонны. По-моему, к вечеру успеют. А нам совсем немного. Хватит того, что на хирмане. Грузите на машину. Хорошо бы раньше их сдать!

Когда же машина Уткура тронулась с места, председатель крикнул ему: «Быстрее возвращайся, Уткур, песней, музыкой тебя встретим!»

А теперь вот последние граммы «Авангарда» застряли на половине дороги по пути на хлоппункт.

Что-то защелкало по стеклу. Уткур, оторвавшись от своих мыслей, взглянул за окно. Халима высунула руку. Две-три тяжелые капли ударились о ладонь. Девушка вытерла мокрую ладонь платком и искоса взглянула на Уткура. Ему ста-

ло неловко от этого взгляда. Они по-прежнему сохраняли молчание. Слышен был только рокот мотора да постукивание капелек дождя по капоту.

Вдруг ему вновь послышался тоненький приглушенный голос Нодиры: «Передайте, пусть скорее пришлют машину». От этого голоса страшно закололо в сердце. Представив девушку в степи под дождем одну, он невольно съезжился и круто развернул машину.

— Что с вами? Куда вы?— удивленно воскликнула Халима.

Заслышав звуки мотора, навстречу им бежала Нодира.

— Уткур, ты?!

Уткур остановил машину рядом с грузовиком Нодиры и выпрыгнул из кабины.

Он осторожно взял в свои большие ладони хрупкие замерзшие пальцы девушки.

— Извини, Нодира. Развязывай веревку. Перегрузим на мою машину.

На лице Нодиры засветилась теплая улыбка. Она быстро принялась за дело.

До сих пор ничего не понимавшая Халима тихонько открыла дверцу кабины и сошла на землю.

Только успели перегрузить все канары с хлопком на машину Уткура, как чуть моросивший дождик усилился.

Халима и Нодира с веселым смехом бросились к Нодириной машине. Грузовик Уткура, переваливаясь с боку на бок, скрылся за холмом. Нодира, облокотясь на руль и глядя вслед удаляющейся машине, улыбалась. Веселый дождик продолжал барабанить по стеклу.

ВЕРНОСТЬ

Солнце в самом зените. Жара такая, что воздух колышется до ряби в глазах.

Дорога в степи вьется узкой серовато-пыльной лентой, идти по ней трудно — ноги вязнут в горячем песке. Девушка, сойдя с дороги, взглянула на модельные туфли, которые одела в первый раз, — белая кожа потрескалась у носков и посерела; от каблучков-гвоздиков осталось одно название — они теперь были похожи на ободранные прутики. Девушка тяжело вздохнула, разулась и взяла туфельки в руки.

Босыми ногами шагать стало легче, да и пошла она не по дороге, а вдоль ее.

Пройдет немного, оглянется — не ви-

дать ли какой-нибудь машины, и снова ускоряет шаг. Но ей все же кажется, что идет она очень медленно. Из-за пригорка показался путник на крупном осле. Остановившись на развилке дорог, он удивленно уставился на нее. В его глазах застыл недоуменный вопрос — как может человек идти в такую жару, когда все живое попряталось от палящих лучей солнца? Путник покачал головой и, погоняя своего осла, отправился восвояси.

Всего лишь год назад, как переехала девушка вместе со своей матерью из районного центра Заамин в степь. Живет она в новом совхозе, в самом центре степи, работает врачом. Когда училась в городе, полюбила парня, но обстоятельства сложились так, что пришлось расстаться. Прошло уже два года, как они не виделись. Такова уж судьба: она в степи лечит людей, а он далеко в горах с геологоразведочной экспедицией.

И вдруг вчера получила от него телеграмму: «Буду проездом...» Поезд в сте-

пи останавливается на несколько минут. «Успеть, только бы успеть!» — шепчут ее спекшиеся губы. Как назло, ни одной машины, а пройдена лишь половина пути. Она уже не оглядывается назад, она должна успеть к поезду, непременно успеть!..

На одной из степных дорог, подходящей к шоссе, завихрился столб пыли, а через некоторое время показался грузовик. Машина катилась медленно, подпрыгивая на ухабах, словно спотыкаясь. Девушка остановилась в надежде, что машина повернет к станции. Но грузовик выехал на шоссе и свернул в сторону совхоза. Девушка заторопилась. Вдруг ей послышалось, что кто-то ее окликает. Обернувшись, она увидела старичка в халате, который догонял ее, запыхавшись от бега.

— Доченька, Зумрад! Ну я же знал, что это ты. А этот бестолковый шофер доказывает мне, что это не ты... Не хотел останавливать машину, пока я в руль

не вцепился!.. Доченька, разве Кадыркул не говорил, что за тобой машина приедет? Надо было тебе немного подождать... Ну, пойдём скорее к машине.

— Ничего не понимаю!— растерянно проговорила Зумрад.

— Эх, и не спрашивай,— снова затапаторил старик,— беда мне с моим внуком. Даже во сне не знает покоя. А вчера, уходя в поле, я предупредил его, чтобы к каналу близко не подходил. Так он, чертенок, не то что подошел, а взял и искупался! Лежит теперь с высокой температурой. Бредит. Испугался я. Мать в командировку уехала, а отец в городе. Упаси аллах, чего-нибудь случится! Хотел к тебе повезти, да побоялся, замучаю, думаю, в дороге. Сама видишь, жара... Директору совхоза Кадыркулу звонил, зятем он мне приходится. А он мне говорит: «Выходной день, если дохтур дома будет, так я ее предупрежу, а ты на совхозной машине можешь при-

ехать забрать ее». Разве он тебе ничего не передавал?

— Нет...

— Ты смотри! На мое счастье, видать, встретились. Ну что ты стоишь, идем.

— Отец... Вы знаете... Я по очень важному делу на станцию спешу.

Старик упавшим голосом спросил:

— Значит, ты сегодня не сможешь приехать?

Зумрад молчала.

— Ну что ж, доченька, не буду тебя задерживать,— сказал старик и, повернувшись, поплелся к машине.

На ходу он снял с себя халат. Рубашка была мокрой, шея влажно отсвечивала бронзовым загаром.

Растерянная Зумрад стояла как вкопанная. Тревожные мысли не давали покоя, и она, чтобы прогнать их, уговаривала себя: «Ведь я же заеду на обратном пути». Чем больше она так думала, тем острее захватывало беспокойство. Но одно, что он ждет ее, кружило голову,

толкало вперед. И она готова была бежать, бежать и бежать, чтобы хоть одним глазком взглянуть на него. Она представила себе, с каким томительным ожиданием он ждет ее; представила его смеющиеся глаза, широкую улыбку, его голос. Однако перед глазами вновь встает больной мальчик с лихорадочно блестящими глазами. При каждом стуке он глядит на дверь — не идет ли доктор. От этой мысли холодеет сердце...

Шофер стоял, облокотившись на крыло машины, и терпеливо ждал сгорбившегося старика. Зумрад наконец решилась: «Нет, все-таки надо поехать».

Девушка, тяжело вздохнув, с грустью посмотрела в сторону станции и поспешила к машине.

Шофер уже влез в кабину. Появление Зумрад около машины было настолько неожиданным, что он только вымолвил: «Рахмат, доченька». Шофер невольно улыбнулся. Несмотря на уговоры стари-

ка занять место в кабине, Зумрад полезла в кузов...

На обратном пути шофер во всю гнал свою машину. Изредка он поглядывал на девушку. Зумрад молчала. Она думала: зачем едет? Ведь все равно опоздала. «Ну хоть походишь по земле, где недавно ходил он, вдоволь надышишься воздухом, которым дышал он», — подсказывал внутренний голос.

Когда подъехали к станции, уже рассветело. Пробудившиеся птицы подняли гомон на старом раскидистом карагаче. Зумрад выскочила из машины и побежала на перрон.

Поезд, конечно, давно прошел. Рельсы отливали тусклым светом. На станции было так тихо, словно все живое вымерло. Один только сторож сидел на ящике возле перронной изгороди, пил чай.

Зумрад смотрела туда, где железная дорога сливалась с горизонтом. «Ведь он ждал меня», — шептала она.

Девушка представила себе, как он,

еще не потерявший надежду увидеть ее, глядел на дорогу из окна уходящего поезда. И от этого стало еще больнее, на глаза навернулись слезы.

Шофер стоял недалеко от девушки. Скажи Зумрад слово, и он, не задумываясь, помчался бы на своем грузовике за тем неизвестным парнем, который не дождался хорошего человека.

МУХАББАТ

Ковш экскаватора повис над кузовом машины. Шофер, в огромной, надвинутой до бровей ушанке, открыв дверцу, спрыгнул и подошел к экскаватору. В кабине никого не было. Осмотревшись по сторонам, шофер вдруг услышал голоса. Он взглянул на возвышенность — там стояла Мухаббат, беседуя с парнем в голубой шляпе.

— Ты точно решила уехать?— слышался голос парня.

— Да, Пулат.

— Значит, все-таки решила. Как будто нет других экскаваторщиков.

— Пулатджан, неужели вы не понимаете! С нашей стройки едут пятна-

дцать человек. У мирзачульских экскаваторщиков можно многому поучиться. И кроме того...

— Можешь не рассказывать. Надолго едешь?

— На полтора месяца.

— Мухаббат!.. Ты же знаешь...

— Я вам буду часто писать письма.

— Письма... хм. Письма — это хорошо... А вот если завтра с меня потребуют плату за квартиру, что, я им твои письма покажу? Хватит... И этого Таджикибая...

Услышав свое имя, шофер вздрогнул. Боясь, что его могут заметить, он поднялся на экскаватор и разгрузил ковш.

Подбежала Мухаббат.

— Извините, Таджикибай-ака.

Шофер хотел что-то сказать, но, заметив слезы на глазах девушки, промолчал. Он сел в машину и уехал. Мухаббат прислонилась к колесу экскаватора.

Теперь ей хотелось дать волю слезам, хотелось кому-нибудь выложить свои

мысли. Наверное, сразу бы стало легче... Неужели нет человека, который выслушал бы ее? Никогда она не чувствовала себя такой бессильной, одинокой, Пулат! И это будущий друг жизни. Кто может быть в мире ближе любимого человека! А он разве поймет все это! Конечно, не поймет. А если услышит, замет. Он чужой. Да. Совсем чужой. Мухаббат только теперь это поняла. Ну почему, как только она увидела его, бросила работу и побежала навстречу? Опять упрашивать его?! Ведь она с самого утра несколько раз давала себе слово не делать этого. Пулат... За последний месяц он так изменился. И характер стал переменчивым, как весенний ветер: то нежный и теплый, то холодный. Вот если бы Пулат был простым, спокойным, как Таджикибай. Правда, Пулат отличается от других. Высокий, стройный, красивый, с вечно смеющимися глазами под черными густыми бровями. Когда Мухаббат видела его,

слышала звонкий голос, что-то заставляло трепетать сердце от радости. И в общежитии, и на работе — все свободное время она думала о нем.

Вспомнилось, как однажды шел дождь и Таджибай решил отвезти ее с работы домой. Забывшись, она взглянула на шофера и произнесла «Пулат-ака». Таджибай промолчал и так до общежития не проронил ни слова. Вот и сегодня он какой-то замкнутый. А хороший парень. Открытая душа. Он любит ее. Мухаббат поняла это три года тому назад. Она только приехала с Пулатом в город. Это были дни, когда они сдавали вступительные экзамены. Пулат в консерваторию, она в педагогический институт.

Вечером в общежитие пришел Пулат. Был он не в духе и нехотя согласился на предложение Мухаббат сходить в кино.

— Что с вами, Пулат-ака?— спросила его Мухаббат, когда они вышли из зала.

— Не знаю,— Пулат увидел малень-

кую звездочку, будто примостившуюся на веточке дерева.

Мухаббат глядела удивленно на смуглое печальное лицо.

— Я и сам не знаю,— произнес он после недолгого молчания, чертя носком ботинка по земле.— Зашел в общежитие, и у меня все настроение испортилось. В одной комнате шесть человек. И это условия?!

— И у нас тоже самое,— торопливо сказала Мухаббат.— Так даже веселей. Скучать не будешь.

Пулат улыбнулся. Делая вид, что смотрит на часы, бросил взгляд на стоявшую недалеко женщину.

Они перешли улицу. Пулат остановился.

— Давай посидим здесь немножко?

Не дожидаясь ответа, он сел на скамейку.

Мухаббат подошла и села рядом. Внизу, у самых их ног, приглушенно шумела река.

Из-за тополей выглянула луна, ее серебристое отражение запрыгало на волнах.

Пулат взял девушку за руку.

Она вспомнила, как затрепетало ее сердце, когда впервые Пулат сказал ей «ты».

Мухаббат положила голову ему на плечо.

— Почему вы такой грустный?

— Не знаю, поймешь ли ты меня. Знаешь, чтобы написать хорошее произведение, ну как бы тебе объяснить... Композитору нужны условия для работы. У меня нет и намека на эти условия.

В тот вечер Мухаббат долго не могла заснуть. Все думала о Пулате. Странно, чем он недоволен? Тем, что живут по шесть человек в комнате? Только ли? Больше ни до чего она не смогла додуматься. Но это же можно исправить.

Через несколько дней Пулат перебрался в комнату напротив общежития, которую они сняли у одной старушки.

«Вот теперь у Пулатджана есть уютенькая комнатка,— думала она.— А как красиво выглядят деревья за окном! А запахни его — и почувствуешь запах мяты и цветущего персика, услышишь журчанье воды в арыке».

— Послушай,— сказал Пулат.

Мухаббат тогда стояла у открытого окна. Это было ее любимое место.

— Скажи... Каким образом все это?..

Она улыбнулась.

— Пулат-ака, теперь вы спокойно можете заниматься творчеством... Я работаю...

— А как же учеба?

— Я перевелась на заочное отделение. Вы же знаете, я не могу без работы.

— А где ты работаешь?— спросил Пулат.

— На строительстве экскаваторщиком,— моя старая профессия.

Они долго молчали. Мухаббат показалось, что Пулат сердится на нее. Но

это просто показалось. Пулат даже не придал этому значения. Он спокойно достал из кармана папиросу и закурил. Затем стал ходить по комнате из угла в угол, напевая какую-то мелодию.

А однажды, когда Пулат и Мухаббат вышли из мебельного магазина, возле них остановилась грузовая машина. Из кабины вылез парень в надвинутой до бровей шапке.

— Знакомьтесь, это Таджибай-ака,— сказала девушка.— Мы работаем с ним вместе. Он поможет отвезти нам шкаф.

Скуластое крепкое лицо, немного помятый китель придавали Таджибаю вид неуклюжего, грубого человека. Оглядев его с головы до ног, Пулат холодно поздоровался с ним.

Все небо заволочло тучами. Редкие капли дождя стали падать на землю. Мухаббат с беспокойством посмотрела на небо.

В кабину сели Таджибай и Пулат. Мухаббат осталась в кузове.

— Да ничего, я поеду здесь,— ответила она на приглашение шофера сесть в кабину.— Да и дождь начинается, а завтра у Пулата концерт. Он может простудиться.

Таджибай взялся за руль, зло поглядывая на Пулата. Не проехав и пятидесяти шагов, он остановил машину возле магазина. Забежав туда, Таджибай вышел с зонтом и молча протянул его девушке.

* * *

Мухаббат продолжала стоять, прислонившись к колесу, и задумчиво смотрела на землю. Издалека послышался гул. Девушка вздрогнула и подняла голову. Наверное, Таджибай возвращается. Неужели прошло так много времени? Нет, все-таки надо выяснить отношения с Пулатом.

Вечером она подошла к его дому. Из открытого окна слышалась песня. Мухаббат сразу же узнала голос однокурсницы Пулата.

— Дильбар. Ну-да, Дильбар. Они новый год встречали у нее дома.

Мухаббат взялась за дверную ручку и остановилась в нерешительности. Она вспомнила, как грубо вел себя Пулат утром с ней и пожалела, что пришла.

— Дильбар, эту песню я посвятил вам. Честное слово. Вы мне не верите?— слышался из-за двери голос Пулата.

— Чудесная песня,—засмеялась Дильбар.— Да вот адрес вы спутали. Ну, я пойду.

— О нет. Я вас не пушу. Вы мой ангел, Дильбар. Я вас люблю. Честное слово, вы...

— Шутить надо в меру... Мухаббат узнает — обидится. Вы просто не знаете, какая она чудесная девушка. Ее...

— Нет, Дильбар. Я ее не люблю. Поймите меня. Может ли быть хуже наказание, чем жить с нелюбимым человеком.

— Пулат, но ведь вот уже три года...

— Ну и что же?.. Ну, молод был. Ну,

заботилась обо мне. Я ей благодарен за это.

— А ее любовь? Неужели...

— Ну сама подумай. Композитор и экскаваторщик. Теперь не хватало рабочих сапог. И вообще мне все это надоело.

— Что ты, Пулат? Убери руку, я тебе говорю!

Мухаббат услышала звук пощечины. С шумом открылась дверь, и выбежала Дильбар, следом за ней показался Пулат, держась рукой за щеку. Увидев Мухаббат, он побледнел.

«Неужели я любила его»,— девушка с презрением смогрела в его растерянные и чужие теперь глаза.

...В открытое окно вагона ворвался свежий теплый ветерок.

— Весна,— проговорила Мухаббат с волнением.

— Да, весна... И в Мирзачуле она нас встречать будет,— мечтательно произнес Таджибай и, сняв пиджак, осторожно

накинул ей на плечи.— Вы знаете, там...

Таджибай замолчал. Он глядел в окно... Смотрела в окно и Мухаббат. Заметив на перроне Пулата, она резко отвернулась.

Поезд тронулся. Пулат что-то кричал ей вслед. Но его голос потонул в шуме.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Чинара	3
Отец	18
В дороге	28
Верность	36
Мухаббат	44

Латиф Махмудов

РАССКАЗЫ

Перевод *Камрона Хакимова*

Гослитиздат УзССР—Ташкент—1963

Редактор *А. Еремеева*

Художник *Л. Рябцев*

Худ. редактор *Г. Бедарев*

Техн. редактор *Л. Парпиходжаев*

Корректор *С. Естрова*

Сдано в набор 20/V-63 г. Подписано в печать 10/VII-63 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 1,875. Усл. печ. л. 1,44. Издат.
л. 1,24. Индекс: Худ. Р02731. Тираж 30000. Государственное
издательство художественной литературы УзССР. Ташкент,
Навои, 30. Договор № 68—63.

Набрано и отматрицировано в Спецнаборной фабрике Глав-
издата Министерства культуры УзССР. Отпечатано в типо-
графии № 1, Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ 1028. Цена 4 к.